

АРХИЕПИСКОП СЕРАФИМ (САМОЙЛОВИЧ) И Е.А. ТУЧКОВ: ПОДРОБНОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Публикуемый документ представляет собой копию письма архиепископа Серафима (Самойловича) к неизвестному архимандриту от 7 марта 1927 года, в котором архиепископ воспроизводит свою беседу с начальником 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ Е.А. Тучковым.

При изучении новейшей истории Русской Православной Церкви мы имеем дело с источниками разных типов и видов, классификация и методы изучения которых еще не разработаны в достаточной степени. Обладает рядом особенностей и степень сохранности источниковой базы, которая формировалась в очень сложной обстановке. Прежде всего, это сознательное уничтожение документов из-за боязни хранителей документов их попадания в руки ОГПУ-НКВД. Это опасение за свою судьбу и за судьбу окружающих приводило к повсеместному уничтожению такого вида исторических источников, как частная переписка, сохранившиеся примеры которой наполнены иносказаниями, намеками, сокращениями и т. д. Поэтому восстанавливать историю взаимоотношений отдельных священнослужителей и государственной власти, которая, конечно, всегда была персонифицирована в лице представителей ОГПУ-НКВД, «народных комиссаров», председателей «советов» и т. д., является чрезвычайно сложным делом.

Однако документы личного происхождения, и прежде всего — письма, имеют очень важное значение как исторический источник по новейшей истории Русской Церкви, поскольку в ней люди *наиболее* свободно могли выражать свои мысли. Одним из таких источников является и приводимое ниже письмо архиепископа Серафима (Самойловича) к некоему архимандриту, датированное 7 марта 1927 года. В этом письме автор описывает ту ситуацию, в которую он попал, возглавив временно Русскую Церковь в период пребывания митрополита Сергия (Страгородского) под арестом. Отчасти подробности «беседы» архиепископа Серафима с Е. Тучковым стали известны благодаря опубликованным воспоминаниям его бывшего иподиакона Михаила Николаевича Ярославского¹ (отбывавшего в начале 1930-х гг.

¹ См.: Надежда. Душеполезное чтение. Вып. 18. Базель, 1994. С. 164–181.

заклучение в одном лагере с архиепископом Серафимом). Однако для объективной оценки деятельности и взглядов архиепископа не лишним будет и ознакомление с его письмом, которое было обнаружено в архивно-следственном деле протоиерея Крестовоздвиженского собора г. Екатеринбурга Сергия Конева. Этот священник являлся настоятелем храма, считавшегося в 1920–1930-е гг. оплотом православия в Свердловской епархии. Отец Сергий имел у себя копии различных документов, прояснявших чрезвычайно запутанную церковную ситуацию тех лет. Одним из таких документов и является ниже приводимое письмо архиепископа Серафима (Самойловича). В тексте этого письма в квадратных скобках отмечены вставленные слова, отсутствующие в тексте, но необходимые по смыслу. Орфография и пунктуация текста соответствуют современным нормам, в прямой речи все говорящие были отмечены (в тексте участники диалогов иногда не названы).

*Публикация и вступительная статья
П.В. Каплина*

ПИСЬМО АРХИЕПИСКОПА СЕРАФИМА (САМОЙЛОВИЧА)
НЕИЗВЕСТНОМУ АРХИМАНДРИТУ

7 марта 1927 года

Дорогой о. Архимандрит! Какую песнь благодарности сложить Вам? Как все предусмотрительно и правильно решительно до конца. Я давно прозревал, что Совет Епископов – это гибель для Церкви и моя гибель. Я поставил точку. – Когда я дойду до точки, тогда уже никакие адские силы не могут поколебать меня. Ибо эта точка внушена промыслительной Десницей Божией, поддержана страданием и кровью наших страдальцев и верным решением Вашим и многих, подвижников слова и дела. Слава Богу.

Да, понятно, почему так решительно укладывали в мой камилатовчик всякое довольствие, которое было мне напоминанием Вашей любви и попечительности – Спаси Вас Христос.

Разговоров больших не было. Я сказал, что без совещания старейших иерархов не может быть авторитетным и наш Синод.

[Тучков:] «Кого Вы называете старейшими иерархами?».

[Архиепископ Серафим:] «Всех местоблюстителей, всех заместителей – итого 9, а именно: М[итрополита] Арсения, Никандра и др».

Что было! Это был выстрел из большой пушки.

[Тучков:] «Как смотрит М[итрополит] А[гафангел]»

[Архиепископ Серафим:] «Он такого же мнения».

И еще пуше и больше.

[Тучков:] «У нас есть дела по... * части».

Я только махнул рукой и на его угрозы все пропечатать, я мог ему сказать, что все пустое – дутое. И снова понижение тона – хотел, видимо, запугать. Но запугивать-то нечем.

[Тучков:] «Подумайте».

[Тучков:] «Отправьте в комнату», – обращается к чиновнику.

Думал я до 4 часов дня, вернее, читал Св. Евангелие. Понятное настроение. Решение принято. В 4 часа вызывают.

[Тучков:] «Ну что, передумали?»

[Архиепископ Серафим:] «Что же мне передумывать, я сказал, больше говорить нечего».

[Тучков:] «Ив[ан] Васил[ьевич], – обращается к чиновнику, – знаете ли, что нам предлагает арх[иепископ] Серафим? Собрать черную сотню. Это открытая к[онтр]рев[олюция]. Нет, нужно, видно, послать его в Соловки. А сейчас приготовьте бумагу в прием арестованных». Как они мне показались жалкими людьми.

Я совершенно успокоился – только ждал момента скорее вырваться из этой душной атмосферы.

Солдатик, обычная процедура – автомобиль, 14 № дома на Лубянке, осмотр и отбор вещей, и камера во 2-м этаже, чистая, светлая и покойная. Скоро принесли кипяток – и я тут вспомнил Вас, Таню, поблагодарил Таню за Вашу попечительность и легко закусил, а потом лег спать. И спал с малыми перерывами для кипятка и молитвы до 4 часов дня субботы, когда снова меня вызвали к Т[учко]ву. Он пришел в наш дом в приемную.

[Тучков:] «Ну, что же, передумали?»

[Архиепископ Серафим:] «Нет».

[Тучков:] «Ну, мы не злопамятны – мы освобождаем Вас и даем местоительство в Угличе, можете служить где угодно, но управлять – ни-ни. Ни назначать, ни перемещать, ни увольнять, ни награждать»².

[Архиепископ Серафим:] «А как же запросы с мест, по делам текущим. Жизни не остановите – она потребует своего».

[Тучков:] «Ну, можете отписываться. Да ведь Вы же объявили автономии. Что же Вам нужно. Ведь Вы не оставили после себя заместителей. Так и действуйте – бумаг о новом порядке управления отнюдь не рассылать. Можете писать на места, что «т. к. я, мол, лишен управления, то управляйтесь на местах». А если что вздумаете написать – то с верным человеком пошлите ко мне, а я просмотрю и передам Вам свое мнение. А быть может, Вы еще увидите с М[итропо-

* Неразборчиво.

литом] А[гафангелом] и передумаете, и надумаете открыть совет. А пока, — до свидания. Мы купим Вам билет, проводим до вокзала, а там — уезжайте в Углич и сидите спокойно».

Разговор кончен. Разве еще только добавить, что во всех разговорах я упирал на то, что я занят решением только текущих дел, я человек маленький и исполняю то, что мне поручено.

[Тучков:] «А кто же у Вас большой человек?».

[Архиепископ Серафим:] «М[итрополит] Петр».

Снова пушка выпалила. Я больше молчу и больше слушаю. Снова в камере и, скажу вам, что было жаль расставаться с ней — такой покой — завещание написано, дело совершено. Можно было бы своим страданием еще более закрепить его, но на все воля Божия. Жду вечера. Но вот 10 часов, и часовой подает знак снимать сапоги и ложиться спать. Значит, думаю, Т[учко]в надул. Ну, что же! Так, видно, нужно. Ложусь спать и покойно засыпаю. Только что задремал, как слышу поворот ключа и [возглас]: «С вещами!». И я снова в приемной. Со мной говорит уполномоченный Тучкова Иванов: «Владыка, Вы помните разговор с Тучковым? — Помню. — Если помните, то больше нечего Вам говорить, пожалуйста». Мы [сели] в автомобиль и скоро [оказались] на вокзале, в комендатуре ГПУ, уполномоченный подал билет, проводил до вагона, подождал, пока тронется поезд, [сделал] вежливый поклон, и я покатил до Ростова, откуда на лошадях благополучно добрался до Углича, где вчера служил вечерню при громадном стечении народа. Надолго ли? Думается, будут — это начало терзаний и мучений. А им, видимо, обезглавить Церковь рискованно.

Запрещение управлять, конечно, дутое — тут может быть и провокация. Если я напишу, что я не могу решать дела, по ч. [почему? — П.К.] мне запрещено, то он может сказать: «Кто запретил? Что Вы врете». Могут создать дело. А посему придется снова как-нибудь приспособливаться. Там, где нужно писать «утверждается», можно написать «читал», где пишется «удостоить» — можно написать «на усмотрение правящего епархией». Это будет уже отписка по выражению Тучкова, а для наших будет мое согласие и санкция.

Во всяком случае, нужно думать, что там, наверху, есть какое-то благоприятное решение по нашему общецерковному делу. Мне кажется, что скоро мы увидим на свободе наших страдальцев. Нужно как-нибудь получить от Вл[адыки] Алексия мою декларацию, положение о советах епископов и прошение в НКВД уничтожить. Хотя они и не подписаны, однако опасно держать — могут и за меня подписать. А Вл[адыка] Алексей тоже, как будто, не прочь приложить ру-

ку к такому решению дела. Напишу ему письмо, сравнительно коротенько. Этого письма ему не посылайте. Тане почитайте, пусть она будет в курсе дела, а Таня Вл[адыке] Алексею доскажет то, что я не написал ему. Хотя существенное пишу и ему. Видно, мне Москвы не видать до тех пор, пока сами не попросят. Вот еще вопрос: почему мне не вернули моего паспорта? Что это, по ошибке или намеренно? Писать ли туда – прислать мне, или новый здесь на месте получить, спустя малое время? Или, быть может, это есть знак того, что я сослан бессрочно в Углич?

М[итрополиту] А[гафанге]лу написал письмо, беседы ему не передавал, но сказал, что его мнение Т[учко]вым кисло принято. Мне думается, что задержка моя состоялась для того, что...^{*} в Я[росла]вь справиться с мнением М[итрополита] А[гафанге]ла. Вызывать его в М[оск]ву не решились, а там на месте, наверно, пощупают. Сообщите Ваше мнение и Ваше суждение по всем этим вопросам и вообще по всему делу. Нужно успокоить М[оск]ву и поддержать Вл[адыку] Алексея.

Здесь был Вл[адыка] Евгений, уверял наших, что я поехал в Я[рослав]ль передавать власть М[итрополиту] А[гафанге]лу, с пеной у рта доказывал необходимость сего. Слава Богу, что я не видел его, *т.к.* в ГПУ, в комендатуре, подходила ко мне одна особа, хотела узнать, где ему встретиться со мной. Но я не дал определенного ответа. «Разве, – говорю, – там, наверху, если и он пойдет с вещами, которые Вы изволите видеть со мной». Да, и наш совет был бы тот ужасный кошмар, который бы многих надолго бы похоронил, а в том числе бесславно и меня.

Сердечное спасибо складываю вам. Спаси вас Христос.

Да, между прочим, Т[учко]в говорит: «Это Вам внушила черная сотня»^{**}. А я ему в ответ: «Кто и где, когда? Она вся в тюрьме. Я прямо с вокзала к Вам».

Т[учков:] «С кем Вы приехали?» Архиеп[ископ] Серафим: «Один». Да, они проворонили случай – могли бы захватить на вокзале с бумагами. Беседа с Т[учковым] в Ярославле успокоила их. Между прочим, Тучков говорит, что у Вас семь пятниц на неделе. Я ему отвечаю: «Знаете, есть пословица – семь раз отмерь, один раз отрежь». Словом, последнее свидание было уже совершенно спокойное. Конечно, всего не опишешь, нужно бы лично повидаться, о многом поговорить. Подательница сего письма побудет в М[оскве] вторник...^{***}

* По-видимому, далее следует: *чтобы ему можно было съездить.*

** Подчеркнуто в тексте.

*** Неразборчиво. Возможно, следует читать: *в среду.*

Таня съездит в Серпухов, а в четверг я буду ждать от Вас ответа. Храни Вас Господь. Любящий Вас А[рхиепископ] С[ерафим].

1927 г. 7 марта.

Почему-то Т[учков] уверял меня, что меня видели в я[нва]ре месяце у квартиры м[итрополита] Петра в Сокольниках. Вообще, будто был я в д[екаб]ре мес[яце]. После получения назначения в М[оск]ве. Я разубедил его. Но я боялся, что м[итрополит] А[гафангел] проболтается ему, что я был в д[екаб]ре месяце, но до получения назначения. Я боялся, как бы не запутать Вашего имени. Я не осторожно* сказал М[итрополиту] А[гафангел]у, что видел Вас в М[оск]ве в д[екаб]ре месяце, а он мог сказать Т[учко]ву. Положение ужасно. Хотя, и теперь еще волнуюсь...** Т[учков] вздумает доискиваться, когда я был в последний раз в М[оск]ве. ...о*** мне сообщил о новом назначении заместителей. Вообще, не пришлось бы припутывать лишних имен. А[рхиепископ] С[ерафим].

Простите. Тороплюсь****. Разберете ли. Письмо Вл[адыке] Алексию прочтите и запечатайте.

Еще одно соображение. Что это значит – приказ не управлять. Какой, видимо, будет отдан и по местам епископам не управлять. Что, мол, теперь сделаете с Вашей автономией. Заместителей у Вас больше не будет, а автономия окажется пустым звуком, ибо не будет и автономных архиереев. Конечно, все передумашь, но никто как Бог. А[рхиепископ] С[ерафим].

Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 47561. Л. 28–33. Рукописная копия.

От редакции: на основании косвенных данных можно предположить, что письмо адресовано архимандриту Неофиту (Осипову), имевшему большой авторитет в группе священнослужителей, не принявших нововведения митрополита Сергия. Упомянутая в письме Таня – духовная дочь архимандрита Неофита Т.Л. Катуар. См. об отношениях архиепископа Серафима и архимандрита Неофита в публикациях «Богословского сборника». Вып. 10–13.

* Подчеркнуто в тексте.

** Неразборчиво. Вероятно, следует читать: *вдруг*.

*** Неразборчиво. Вероятно, следует читать: *кто-то*.

**** Последние четыре буквы зачеркнуты, сверху написано: *ился*.

ARCHBISHOP SERAPHIM (SAMOILOVITCH)
AND E. TUCHKOV: THEIR RELATIONSHIP IN DETAIL

The present document represents a copy of Archbishop Seraphim's (Samoilovitch) letter to an unknown Archimandrite of 7 March, 1927, in which the Archbishop reproduces his conversation with E. Tuchkov, Head of Department 6 of the OGPU Secret Division.